

Русинова Ирина Ивановна, Гранова Мария Андреевна

ОТРАЖЕНИЕ СЮЖЕТНЫХ МОТИВОВ В НОМИНАЦИЯХ ДОМОВОГО И ЛЕШЕГО (НА МАТЕРИАЛЕ МИФОЛОГИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ)

В статье рассматриваются номинации домового и лешего и лежащие в их основе сюжетные мотивы быличек, записанных на территории Пермского края. На основе анализа указанных лексем устанавливается круг мотивов, которые реализуются в названиях обоих духов. Делается также вывод о характере данных персонажей: домовый, как дух освоенного человеком пространства, более дружелюбен к людям, чем леший, который, являясь духом пространства неосвоенного, больше склонен вредить человеку, чем помогать.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/12-2/43.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(66): в 4-х ч. Ч. 2. С. 160-162. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81

В статье рассматриваются номинации домового и лешего и лежащие в их основе сюжетные мотивы быличек, записанных на территории Пермского края. На основе анализа указанных лексем устанавливается круг мотивов, которые реализуются в названиях обоих духов. Делается также вывод о характере данных персонажей: домового, как дух освоенного человеком пространства, более дружелюбен к людям, чем леший, который, являясь духом пространства неосвоенного, больше склонен вредить человеку, чем помогать.

Ключевые слова и фразы: домового; леший; демонологическая лексика; сюжетный мотив; мифологические рассказы Пермского края.

Русинова Ирина Ивановна, к. филол. н.

Гранова Мария Андреевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

irusinova@mail.ru; marjanaandreeva@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ СЮЖЕТНЫХ МОТИВОВ В НОМИНАЦИЯХ ДОМОВОГО И ЛЕШЕГО (НА МАТЕРИАЛЕ МИФОЛОГИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ)

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проекты 14-34-01279a2 «Сохранение и исследование лингвистического наследия поликультурного региона: применение информационных технологий», 16-14-59602e(p) «Лексика и фразеология коми-пермяцкого языка в этнолингвистическом аспекте»).

Анализ текстов несказочной прозы, записанных на территории Пермского края, позволяет говорить о широком распространении в данном регионе демонологических представлений. В текстах мифологических рассказов эти верования содержатся на уровне сюжетных мотивов, часть которых вербализуется в номинациях персонажей народной демонологии. Предметом анализа в настоящей статье станут номинации духов пространства (домового и лешего) и мотивы, лежащие в их основе.

Материалом для нашего исследования послужили лексемы, называющие домового и лешего, взятые из диалектных словарей, в частности «Словаря русских говоров Южного Прикамья» [10], фольклорно-этнографических сборников Пермского края: «Былички и бывальщины: старозаветные рассказы, записанные в Прикамье» [2], «Куединские былички: Мифологические рассказы русских Куединского района Пермской области в конце XIX – XX вв.» [5], «Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор» [1].

Сначала обратимся к рассмотрению лексем, называющих домового.

Домовой – «домашний дух, мифологический хозяин и покровитель дома, обеспечивающий нормальную жизнь семьи» [6, с. 120]. В русских говорах Пермского края широко распространены номинации этого персонажа, отражающие представление о том, что **домовой обитает в доме**. Такие названия включают в свой состав корень *-дом-* или *-изб-*: **доминошник, домовёнок, домовик, домовиха, домовой, домовуха, домовушка, домохвост, избник, избущечник**. Нередко в названиях подчеркивается, что **домовой является мифическим хозяином дома: домовый хозяин, домовая хозяйюшка, хозяин, хозяйюшко-батюшко**. Домовой **живет в избе с хозяевами дома**, что проявляется в следующих номинациях: **дедушко-соседушко, домовой-соседушко, соседка, соседко, соседушка, соседушка-батюшко, сусед, суседиха, суседишка, суседка, суседко, сусед-соседушка, суседушко, суседушко-атаманушко, суседушко-баседушко, суседчиха**.

Сущность домового амбивалентна. С одной стороны, он воспринимается как **мифический предок рода либо умерший родственник**, который охраняет жильцов дома, предупреждает об опасности, помогает в хозяйстве. Отсюда такие номинации персонажа, как **батюшка, батюшка-соседушка, батюшко домовой, дедушко-батюшко, соседко-батюшко, соседушка-братанушка, суседушка-братанушка, суседушка-браток, суседушко-батюшка, суседушко-батюшко-братанушко, суседушко-братанушко, суседушко-матушко, хозяйюшко-батюшко**. С другой стороны, **домовой является демоном**, которой может и навредить, если его не задобрить, поэтому его могут назвать **кикуморой, нечистью, чёртом, чертёнком, шишигой, соседушкой-буканушкой**. Первые пять номинаций образованы путем семантического переноса названий нечистой силы на домового. В основе второй части последней номинации лежит слово *бука*, обозначающее «фантастическое страшное существо, которым пугают детей», а также «таинственное существо в пустых постройках, в лесной глухомани», которое в народном сознании часто сливается с образом домового [3, с. 63-64].

Домовой является бестелесной сущностью, духом, невидимым для человека. Однако он может показываться хозяевам дома в различном облике. Чрезвычайно распространены в Пермском крае лексемы, свидетельствующие о том, что **домовой принимает вид старика/старухи: бородатый дедушка, бородатый старик, дедка-соседка, дедушка-домовой, дедушко, дедушко-батюшко, дедушко-боданушко, дедушко-соседушко, домовая бабушка, маленькая бабка, маленький старичок, старик, старушка, старушка-домовушка, старушонка**. Это связано с восприятием домашнего духа как души умершего предка: домового «может являться в облике старшего члена семьи, живого или умершего <...> Слово *дедушка* используется как табуистическое именование домового, оно обязательно в комплиментарных обращениях к домовому и дворовому» [11]. Домовой может принимать также **зооморфный облик**, отсюда номинации: **малюсенький зверёночек, рыжая кошка, курица, большой жук, мизгирь**. Этот персонаж также может превращаться в различные предметы, например в *копну*, или иметь вид предмета неопределенной формы (*комок*).

Показываясь в различном облике, дух дома может иметь рост больше человеческого (*здоровая баба, мужчина до полатей головой*), но чаще всего в номинациях этого персонажа отражается представление

о том, что он ниже человека (*маленькая бабка, маленький мальчик, маленький человечек, маленький старичок, малюсенький зверёночек, махонький мужичок, небольшой мужичок в красном колпаке*). В сочетаниях *лохматый человечек, бородатый дедушка, бородатый старик, какой-то мохнатый* проявилась еще одна особенность внешности домового: он покрыт шерстью или имеет бороду.

Рассматриваемый персонаж, по народным представлениям, является хранителем дома, в котором живет, и поэтому он чаще всего воспринимается как **доброжелательный по отношению к человеку**, что отражается в таком сочетании, используемом при обращении к домовому в заговорах, как *милостивый батюшко*. То, что он близок к человеку, проявляется еще и в том, что иногда жильцы дома дают домашнему духу имя (например, *Кузя*). Иногда при обращении к домашнему духу в заговорах используют такие названия: *дедушка-маледушка, дедушко-боданушко, суседушко-баседушко, суседушко-боледушко, суседушко-ботанушко, суседушко-вакедушко, суседушко-покладушко*. Второй компонент в этих номинациях представляет собой заумь – непонятное, искаженное слово, которое рифмуется с первым элементом (см. подробно в [7]). Заумные слова используются в указанных номинациях, во-первых, для замещения имени домового, которое воспринимается как «опасное» слово, произнесение которого может вызвать недовольство персонажа, а во-вторых, для более успешной коммуникации с домовым. Мотив **человек не должен лишиться имени этого демона, чтобы тем самым не вызвать его гнев**, проявляется и через использование местоимений *этот, он, кто-то* для замещения названия домового: *Вот я пошла в баню стираться. Замерзла там, пришла домой, залезла на печку. Слышу кто-то меня зовет – Роусья. Бывает, шью на машинке, а кто-то дышит мне в плечо. Я говорю: «Кто это, почто мне в плечо дышишь. Иди прочь!»* (д. Куеда Куединского района) [5, с. 31].

Теперь обратимся к анализу номинаций лешего. Он «в мифологии восточных славян хозяин леса, покровитель лесных зверей и птиц» [8, с. 104]. В его названиях, прежде всего, отражается место его обитания – лес: *лесная баба, лесной, лесной дьявол, лесной мужик, лесной человек, лесовик, лесовичок, лесовой, лесовой дедушка, лесовичиха, лесок-батюшка, леш, лешай, лешак, лешачиха, леший, суседушко лесной*.

Компонентами неоднословных номинаций лешего, как и домового, могут выступать термины родства: *батюшко-травушко, лесная бабушка, лесной батюшка, лесной дед, лесной дедушка, лесной дедушко, лесовой дедушка, лесок-батюшка*. В таких номинативных сочетаниях проявляется следующий мотив: **персонаж является мифологическим хозяином-распорядителем леса**. Во власти лешего оказывается и человек, находящийся в лесу. Как указывает И. Б. Качинская, «можно увидеть некий параллелизм в отношении человека и подвластных ему домашних животных и мифологических хозяев <...> и людей. В отношении к домашним животным хозяин берет на себя функции матери-кормилицы, в отношении к мифологическим хозяевам дома, двора, бани, леса и т.д. все домочадцы считают себя его (конкретного духа – И. Р., М. Г.) подчиненными», признают главенство духа-хозяина как отца [4, с. 17].

Часто встречаются номинации лешего, образованные от лексем, называющих представителей нечистой силы: *бес, бесишко, дьявол, лесной дьявол, лукавый, нечистый дух, чёрт, шайтан*. В этих названиях отражается мотив **принадлежности рассматриваемого персонажа к миру демонов**.

Как и домового, леший умеет оборачиваться. Чаще всего в номинациях отражается следующий сюжетный мотив – **появление персонажа в облике старика/старухи: дед, дедушка, дедушко, дедушко с кузовом, здоровущий дед, лесная бабушка, лесной дед, лесной дедушка, маленький и старенький мужичок, старик, старичок, старуха**. Леший может принимать также облик родственника (*отец, папа, жена, (покойная) бабушка*) или соседа (*сосед, человек из той же деревни*). Леший может выступать и в зооморфном облике: **принимает вид домашней скотины (белый ягненок, баран, теленок, красненький телёночек), собаки (чёрная собачка), птиц (птичка, ворона, филин)**. Леший может принимать и метеоморфный облик: часто он появляется как **сильный порывистый круговой ветер**. Отсюда номинации *ветряной дедушка, вихор, вихорёчек, вихорь, вихрь, ветер, Вихрь Вихрович*. К этой же группе относится имя лешего *дядя Виктор*, образованное, как указывает И. А. Подюков, путём «фонетической трансформации (замена [x] на [к], вставной взрывной [т])» имени *Вихор Вихорович* [9, с. 25].

Как и домового, леший может иметь **рост как больше человеческого, так и меньше человеческого**. Но в номинациях чаще отражается первый из названных мотивов: *большая женщина, большая старуха, большой человек, большущий толстущий мужик, большущий дяденька, высокий мужчина, высоченный мужик, здоровенный мужик, здоровущий дед, здоровый дядька, три здоровые бабы, здоровый парень, огромный мужик, длиннущая баба, длиннущий мужик, женщина огромных размеров в чёрной юбке и розовой кофте, здоровый мужик, мужчина необъятных размеров в чёрном костюме*. Второй мотив встретился лишь два раза – в сочетаниях *мужичок с метр, маленький и старенький мужичок*.

Как и домашний дух, хозяин леса имеет **длинные волосы/бороду**, что проявляется в следующих названиях: *бородатый старик, бородатый дед, три мужика обросшие, грязнущие, мужик с бородой*.

Еще одной чертой внешнего облика лешего являются **физические аномалии**, которые служат маркером его принадлежности к потустороннему миру. Этот мотив лежит в основе номинации *шестипалой Васька*.

Леший помогает найти потерявшихся в лесу людей или скотину (отсюда названия *помощник, помощник человека*), он может быть **добр по отношению к заблудившимся в его владениях** (поэтому находим сочетание *добрый дедушка, хорошие люди*). Этот демон «знается» с охотниками, **приходит к ним в гости**, что проявляется в лексемах *гость и друг*, эвфемистически называющих лешего: *К нему друг подошёл в лесу. Дядька вроде как дядька. И это плохая примета – скоро заболел тяжело и умер* (с. Тюинск Октябрьского района) [10, с. 250]. Однако этот демон может и **вредить людям**. Этот мотив лежит в основе таких оценочных названий, как *грех, недобрый, нехороший, страм, страмина*. Леший может пугать **пришедшего в лес своим внешним видом или поведением**, поэтому его называют *попугаем* или *страхолоудным*.

Чтобы сохранить хорошие отношения с лесным хозяином, человек должен уважительно к нему обращаться. Поэтому в говорах **леший часто получает имя по образцу антропонимической формулы имя + отчество**, которая в литературном языке считается вежливым обращением. Так, лешего называют *Леонтий Леонтьевич, Шалопай Салапонтьевич, Еврей Евреевич, Вихрь Вихрович*. В качестве названия лешего может употребляться местоимения **он, который**: *Заблудилишиа, дак опять платок повернут, повернут визиточку налево, тожно дорожку найдёшь. С сапога стельки повернут. Подыграл-де кто-ко, подыграл. Вот, видно, который в лесу живёт* (д. Кривцы Косинского района) [1, с. 225]. Это связано с тем, что **упоминание имени лешего может привлечь внимание демона и вызвать негативные последствия для говорящего или его семьи**.

Таким образом, на территории Пермского края в номинациях домового и лешего получают отражение сюжетные мотивы, связанные с местом обитания, образами оборотничества, чертами внешнего облика и качествами характера, а также функциями и наименованием этих персонажей. К сходным для обоих демонов мотивам, которые в равной степени отражаются в их номинациях, следует отнести следующие: **персонаж обитает в том локусе, хозяином которого является; персонаж является демоном; персонаж может принимать антропоморфный вид (чаще старика/старухи); персонаж может принимать зооморфный облик; персонаж имеет шерсть/длинную бороду; персонаж может как помогать, так и вредить человеку; персонаж может иметь имя по образцу человеческого; имя персонажа табуировано**.

Однако в народных представлениях о рассмотренных демонах есть и различия. Так, в номинациях домового часто отражается мотив о том, что **он проживает в доме вместе с хозяевами. Этот персонаж является мифическим предком семьи, проживающей в доме**, в то время как **леший** не связан с человеком «родственными отношениями» и **является лишь покровителем леса**. Что касается внешнего облика персонажей, то **домовой чаще имеет рост ниже человеческого, а леший чаще бывает выше человека**. Кроме того, **леший имеет физические аномалии**, что подтверждает его принадлежность к миру демонов. Маркером отношения человека к персонажу выступает имя, которое дают демону носители традиционного сознания. Так, имя, которое дается домовому, «включает его в круг семьи», в чьем доме живет персонаж. Кроме того, для успешной коммуникации с домовым часто применяется заумь. В случае с лешим использование уважительной антропонимической формулы имя + отчество не приближает лешего к человеку, а лишь помогает последнему обезопасить себя от возможного вредоносного влияния демона.

Таким образом, можно заметить, что домовой, как дух «освоенного, человеческого» пространства, более близок и дружелюбен к людям, чем леший, который, как дух пространства «неосвоенного, нечеловеческого», больше склонен вредить человеку, чем помогать.

Список литературы

1. Бахматов А. А., Голева Т. Г., Подюков И. А., Черных А. В. Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор: материалы и исследования. Пермь: ОТиДО, 2008. 502 с.
2. Былички и бывальщины: старозаветные рассказы, записанные в Прикамье / сост. К. Э. Шумов. Пермь: Кн. изд-во, 1991. 412 с.
3. Власова М. Н. Новая АБЕВЕГА русских суеверий. СПб.: Северо-Запад, 1995. 383 с.
4. Качинская И. Б. Термины родства в мифологическом пространстве (по материалам архангельских говоров) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. № 2 (30). С. 16-26.
5. Куединские былички: Мифологические рассказы русских Куединского района Пермской области в конце XIX – XX вв. / сост. А. В. Черных; авт. вступ. ст. О. И. Васнева, А. В. Черных. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2004. 114 с.
6. Левкиевская Е. Е. Домовой // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под. общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1999. Т. 2. С. 120-124.
7. Левкиевская Е. Е. Заумь // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под. общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1999. Т. 2. С. 279-282.
8. Левкиевская Е. Е. Леший // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под. общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1999. Т. 3. С. 104-108.
9. Подюков И. А. Особенности освоения русских народных мифонимов и обрядовых терминов коми-пермяцким языком // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. № 3 (35). С. 20-31.
10. Подюков И. А., Поздеева С. М., Свалова Е. Н., Хоробрых С. В., Черных А. В. Словарь русских говоров Южного Прикамья / науч. ред. И. А. Подюков; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2010. Вып. 1. Абалтус – Кычига. 456 с.
11. Черепанова О. А. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера [Электронный ресурс]. СПб., 1996. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/mip/hol/ogi/che/skye/5.htm#11> (дата обращения: 29.10.2016).

REFLECTION OF PLOT MOTIVES IN THE NOMINATIONS OF BROWNIE AND SILVAN (BY THE MATERIAL OF MYTHOLOGICAL STORIES OF PERM REGION)

Rusinova Irina Ivanovna, Ph. D. in Philology
Granova Mariya Andreevna
Perm State University
irusinova@mail.ru; marjanaandreeva@mail.ru

The article deals with the nominations of brownie and silvan and the underlying plot motives of true stories recorded in Perm region. On the basis of the analysis of these lexemes the authors determine a number of motives, which are implemented in the names of both spirits. The conclusion is made about the nature of these characters: the brownie, the spirit of space explored by man, is more friendly to people than the silvan, which, as the spirit of the undeveloped space, is more inclined to harm people than to help them.

Key words and phrases: brownie; silvan; demonological vocabulary; plot motive; mythological stories of Perm region.